

УДК 7.03+82-1

Ассоциативность как метод художественного мышления (несколько замечаний о поэзии О. Мандельштама)

Бедина Наталья Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163000, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 17;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу стихотворения О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916 г.). На примере конкретного текста выявляются особенности ассоциативного метода художественного мышления. Благодаря выстраиванию ассоциативных связей в сознании человека моделируется феноменальный образ мира, характеризующийся системностью и упорядоченностью. Ассоциативный механизм одновременно функционирует на разных уровнях культуры – как механизм сознания и как художественный метод. Примером последнего является поэтическое творчество О. Мандельштама. Через осмысление средневековой традиции (на примере «Божественной комедии» Данте) поэт обосновывает собственный поэтический опыт. На материале избранного стихотворения показано, что в результате выстраивания поэтом ассоциативных рядов каждый образ переживается не как отдельная, самостоятельная «вещь», а оказывается вписан в единый осмысленный мир культуры. Это позволяет как поэту, так и читателю вступать в свободный диалог с миром культуры и создавать свою, оригинальную культурную систему.

Для цитирования в научных исследованиях

Бедина Н.Н. Ассоциативность как метод художественного мышления (несколько замечаний о поэзии О. Мандельштама) // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 4А. С. 19-25.

Ключевые слова

Ассоциативность, системность, образ мира, художественный метод, О. Мандельштам.

Введение

А.Я. Флиер, предлагая определение пространства культуры, подчеркивает такие черты «зоны культуры», как высокая упорядоченность, системность и повторяемость [Флиер, 2016, 40-41]. Человеческий язык как инструмент культуры и порождаемые им тексты являются «эффективным средством противостояния сенсорному хаосу, который постоянно атакует нас; именно язык обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного опыта и, таким образом, “объективирует” индивидуальные впечатления, обеспечивая описание мира и коммуникацию» [Черниговская, 2016, 67]. Язык соединяет объекты внешнего мира и сознание человека, обеспечивая системность и упорядоченность образа действительности. В процессе познания новая информация включается в феноменальный образ мира, моделируемый в человеческом сознании, благодаря выстраиванию ассоциативных связей. Как пишет Т.В. Чапля, «в процессе усвоения новой информации вводится в действие так называемый второй код, т. е. происходит сжатие сообщения и перевод его на язык, понятный лишь объекту взаимодействия, а в результате в недрах сознания адресата сообщение перекодируется в единицы его структуры сознания» [Чапля, 2013, 136]. Ассоциация – связь между отдельными индивидуальными впечатлениями и образами: номинация одного элемента актуализирует в сознании другой, соотносимый с первым, что вписывает новые элементы в уже сложившуюся модель мира, не нарушая ее систему, и обуславливает возможность новых интерпретаций фактов действительности и преобразования субъектом содержания своего сознания и опыта.

В.В. Видеркер справедливо отмечает, что ассоциативный механизм одновременно функционирует на разных уровнях культуры: «Во-первых, он представлен в имплицитной форме, являясь неотъемлемым элементом культуры и искусства, ибо в противном случае творчество невозможно в принципе. Во-вторых, он представлен в эксплицитной форме, проявляясь преимущественно в сфере искусства как результат сознательных усилий художника» [Видеркер, 2014, 90]. Законы моделирования субъективной реальности в сознании человека сближаются с законами создания художественного текста на основании их общей природы. С одной стороны, история творческого метода ассоциаций равна истории человеческой культуры, а с другой – в определенных художественных системах он становится предметом специального размышления.

Примером сознательного выстраивания ассоциативных рядов является средневековая монастырская традиция «медитативного моления», соединяющего чтение, понимание и молитву [Романчук, 1999]. Она находит отражение в ассоциативном методе организации материала в средневековых богословских и богослужебных сочинениях компилятивного характера, где внутреннюю логику определяют сочетание, созвучие и толкование различных источников. Ассоциативный метод выбора и организации источников внутри текста создает образ целостного, осмысленного мироздания, где нет ничего случайного, где есть место каждому человеку – и пишущему, и читающему текст. Он же составляет внутреннее единство самого сочинения и одновременно позволяет книжнику, оставаясь внутри культурной традиции, достичь удивительной внутренней свободы. Осмысление этого метода средневековой книжности на примере «Комедии» Данте стало способом творческой рефлексии для Осипа Мандельштама, художника XX в. [Житенев, 2008; Кихней, 2000; Кихней, 2008].

В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам размышляет в целом о природе поэтического творчества: «Поэзия не является частью природы – хотя бы самой лучшей, отборной – и еще меньше является ее отображением... но с потрясающей независимостью водворяется на новом,

внепространственном поле действия, не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами» [Мандельштам, 1990, т. 2, 214]. Здесь поэт предугадывает современные идеи философской герменевтики и нейропсихологии, утверждающие единство принципов восприятия, интерпретации и понимания реальности, переработки сенсорных впечатлений в осмысленное целое с принципами моделирования художественной реальности. При таком понимании язык (поэтическое слово, образ) – это «орудие» моделирования ассоциативного орнамента, сложный комплекс явлений, связь, система.

Ассоциативный орнамент в стихотворении О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...»

Примером ассоциативного текста, где создается образ единого мира культуры, в котором обнаруживается место и личным переживаниям поэта, мы избрали стихотворение О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916 г.):

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улице ведут меня без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече –
И никогда он Рима не любил.

Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.

Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича ведут, немеет страшно тело –
И рыжую солому подожгли [Мандельштам, 1995, 133-134].

Биографический эпизод, легший в основу текста, описан М.Л. Гаспаровым: «Мандельштам в это время был влюблен в Марину Цветаеву. Они познакомились в 1915 году в Коктебеле, виделись зимой в Петербурге, а в феврале 1916 года он приехал в Москву, они ездили по городу,

и она “дарила ему Москву”... Цветаева любила отождествлять себя со своей тезкой Мариной Мнишек – Мандельштам оказывался в роли Самозванца, принявшего имя царевича Димитрия, убитого в Угличе» [Гаспаров, 1995, 25]. В стихотворении выстраивается цепь ассоциаций, в результате чего в образе лирического героя сливаются воедино несколько исторических лиц: сам автор, угличский царевич Димитрий, самозванец Лжедмитрий I и, может быть, царевич Алексей, сын Петра. По сути, стихотворение ко всем названным лицам, кроме автора, имеет косвенное отношение – оно о любви, хотя любовная тема звучит здесь прикровенно. На нее указано не совсем определенно в первой строфе: «Мы ехали огромною Москвой...», а в третьей уже более открыто: «Не три свечи горели, а три встречи – // Одну из них сам Бог благословил...». Тема любви связывает исторические ассоциации с Лжедмитрием I и Мариной Мнишек и аллюзию на трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов», где Самозванец – пылкий влюбленный. В сознании читателя имя женщины, вызвавшей у автора чувство влюбленности, может возникнуть именно через имя Дмитрий, но и оно не названо – стихотворение опять же содержит только намек на него: «А в Угличе играют дети в бабки» (царевич, по официальной версии, закололся во время игры в свайку, похожую на игру в бабки). Прочтение этого намека влечет за собой и следующую интерпретацию: узника, которого везут/ведут связанным, читатель воспринимает как Лжедмитрия, хотя тот был убит возле дворца в Кремле и никто не вез его по Москве. На протяжении всего текста автор выдерживает ассоциации с фигурой Лжедмитрия вплоть до последней строки: «И рыжую солому подожгли» (Лжедмитрий был рыж, и тело его, как известно, сожгли). И все-таки, как справедливо указывает М.Л. Гаспаров, контекст образно-ассоциативного ряда стихотворения не исчерпывается синтетической картиной Москвы Смутного времени: «чем шире расходятся смыслы из образного пучка стихотворения, тем это лучше для него» [Там же]. Обращает на себя внимание образ того, кого везут по Москве, прикрытого «рогожей роковой». Слово «рогожа» вызывает в памяти трагический образ опальной боярыни Морозовой на картине В.И. Сурикова – раскольницы, старообрядки. Тема старообрядчества позволяет провести ассоциативные связи, с одной стороны, к образу Марины Цветаевой (она и сама называла себя по натуре раскольницей), а с другой стороны, как тема приверженности к старине – к образу царевича Алексея, сына Петра I, который в отличие от отца придерживался старины и традиции (возвращенный отцом из-за границы в Москву, обвиненный в измене, он умер в заточении от жестоких пыток). Именно с царевичем Алексеем могут быть связаны образы домашнего хлеба в русской печи, свечей в православной часовне. Вместе с тем «три свечи» и московская «церковка» – это реминисценции из стихов М. Цветаевой (М. Гаспаров приводит цитату из ее стихотворения 1911 г. «Полночь», Москва для М. Цветаевой – это прежде всего купола храмов). Три встречи – это могут быть и три встречи поэта с возлюбленной (Коктебель, Петербург, Москва), и три «встречи» Руси с Европой (Смута, реформы патриарха Никона, реформы Петра I), и три Рима из религиозной концепции «Москва – третий Рим» (Рим, Византия, Москва). Отсюда выстраивается и ассоциативный ряд к строке «Четвертой не бывать»: четвертой любовной встрече не быть – четвертому Риму не быть – царевичам не жить... «А Рим далече»: с Римом вел тайные переговоры и интриговал Лжедмитрий – Рим (Европа) остался позади царевича Алексея (там, за границей, он остался бы жив) – противостояние России и Европы вновь и вновь переходит в стадию открытого военного конфликта (стихотворение написано в 1916 г.). Цветовые контрастные образы последней строфы (серый, черный, мертвенно-бледный и рыжий, огненно-красный) поддерживают трагическое звучание финала: «И рыжую солому подожгли». Уже подожгли...

Как вписывается в этот исторический контекст влюбленность автора? Можно предположить, зная характер М. Цветаевой, что свои чувства Мандельштам воспринимал как несколько насильственные: по воспоминаниям, Марина Ивановна «брала в плен», подчиняла себе. Ее романтически-трагическое восприятие любви, всегда завершающейся расставанием, видимо, предопределяло финал и этих отношений. Однако чтение стихотворения Мандельштама и размышление над ассоциативным движением его поэтической мысли, далеко выходящей за пределы отдельного биографического факта, доставляют эстетическое и интеллектуальное удовольствие.

Ассоциативность как метод художественного мышления обоснован О. Мандельштамом в «Разговоре о Данте» (1933 г.): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить – значит всегда находиться в дороге» [Мандельштам, 1990, т. 2, 223]. Используя слово как целый спектр смыслов, поэт плетет свой поэтический орнамент, причем совершенно не обязательно рассчитанно, выверенно, а интуитивно, бессознательно. Но, как пишет сам Мандельштам, «орнамент тем и хорош, что сохраняет следы своего происхождения, как разыгранный кусок природы» [Там же, 215]. При этом, чтобы «пробудить», «встряхнуть» нас, поэту не обязательно проговаривать весь путь, который лежит от слова к слову, от смысла к смыслу, достаточно только намекнуть, указать направление. Систему намеков и указателей он называет «упоминательной клавиатурой», а сам ассоциативный метод – «клавишной прогулкой» [Там же, 218].

Заключение

Недоговоренность, противоположная описательной, разъяснительной поэзии, рождает творческий порыв, свободу, известную средневековым книжникам. При этом каждый образ переживается не как отдельная, самостоятельная «вещь», а оказывается вписан в осмысленный мир культуры: «Таким образом, вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана». Это позволяет как поэту, так и читателю вступать в диалог с единым миром культуры и создавать свою, оригинальную культурную систему.

Библиография

1. Видеркер В.В. Роль символистской теории соответствий в развитии ассоциативного мышления у студентов педагогического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 88-92.
2. Гаспаров М.Л. Поэт и культура: три поэтики Осипа Мандельштама // Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1995. С. 5-64.
3. Житенев А.А. Расширение восприятия как эстетический проект и художественное видение О. Мандельштама 1930-х гг. // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 47-73.
4. Кихней Л.Г. «Феноменологические» открытия О. Мандельштама: «закон тождества» как принцип конструирования поэтического смысла // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 33-47.
5. Кихней Л.Г. Осип Мандельштам: бытие слова. М.: Диалог-МГУ, 2000. 146 с.
6. Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1995. 718 с.

7. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. 637 с.
8. Романчук Р. *Lectio divina*: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб.: Наука, 1999. С. 36-43.
9. Флиер А.Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3. С. 39-46.
10. Чапля Т.В. Коммуникативные стратегии в образовании // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 132-137.
11. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2016. 448 с.

Associativity as a method of artistic thinking (a few remarks on Osip Mandelstam's poetry)

Natal'ya N. Bedina

PhD in Philology, Docent,
Associate Professor at the Department of cultural and religious studies,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163000, 17, Severnoi Dviny emb., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of O. Mandelstam's poem *Na rozval'nyakh, ulozhennykh solomoi...* (*On a low wide sledge loaded with straw*) (1916). Using this text as an example, the author of the article makes an attempt to reveal the features of the associative method of artistic thinking. The phenomenal image of the world, characterised by consistency and order, is modelled in the human mind due to the construction of associative links. The article points out that the associative mechanism simultaneously functions at different levels of culture – as a mechanism of consciousness and as an artistic method. O. Mandelstam's poetic works can be viewed as an example of the latter. The poet substantiates his own poetic experience through the understanding of the medieval tradition (it is a case study of Dante's *Divine Comedy*). As a result of the construction of the associative series in the text, each image is experienced not as a separate, independent "thing", but it is inscribed in the single meaningful world of culture, which is shown by analysing the poem. This method allows both the poet and readers to enter into a free dialogue with the world of culture and create their own original cultural system.

For citation

Bedina N.N. (2019) Assotsiativnost' kak metod khudozhestvennogo myshleniya (neskol'ko zamechaniy o poezii O. Mandel'shtama) [Associativity as a method of artistic thinking (a few remarks on Osip Mandelstam's poetry)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (4A), pp. 19-25.

Keywords

Associativity, consistency, image of the world, artistic method, O. Mandelstam.

References

1. Chaplya T.V. (2013) Kommunikativnye strategii v obrazovanii [Communication strategies in education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 1, pp. 132-137.
2. Chernigovskaya T.V. (2016) *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire grin of Schrödinger's cat: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
3. Flier A.Ya. (2016) Kul'turologicheskaya interpretatsiya sotsial'noi real'nosti [Culturological interpretation of social reality]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 3, pp. 39-46.
4. Gasparov M.L. (1995) Poet i kul'tura: tri poetiki Osipa Mandel'shtama [The poet and culture: three types of Osip Mandelstam's poetics]. In: Mandel'shtam O.E. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., pp. 5-64.
5. Kikhnei L.G. (2008) "Fenomenologicheskie" otkrytiya O. Mandel'shtama: "zakon tozhdestva" kak printsip konstruirovaniya poeticheskogo smysla ["Phenomenological" discoveries by O. Mandelstam: "the law of identity" as a principle of constructing poetic meaning]. In: *Osip Mandel'shtam i fenomenologicheskaya paradigma russkogo modernizma* [Osip Mandelstam and the phenomenological paradigm of Russian modernism]. Voronezh: Voronezh State University, pp. 33-47.
6. Kikhnei L.G. (2000) *Osip Mandel'shtam: bytie slova* [Osip Mandelstam: the being of the word]. Moscow: Dialog-MGU Publ.
7. Mandel'shtam O.E. (1995) *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.
8. Mandel'shtam O.E. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
9. Romanchuk R. (1999) Lectio divina: monasheskoe chtenie na Vostoke i na Zapade [Lectio divina: monastic reading, East and West]. In: *Monastyrskaya kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 36-43.
10. Viderker V.V. (2014) Rol' simvolistskoi teorii sootvetstviu v razvitii assotsiativnogo myshleniya u studentov pedagogicheskogo vuza [The role of the symbolist theory of correspondences in the development of associative thinking in students in pedagogical higher education institutions]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2, pp. 88-92.
11. Zhitenev A.A. (2008) Rasshirenie vospriyatiya kak esteticheskii proekt i khudozhestvennoe videnie O. Mandel'shtama 1930-kh gg. [The expansion of perception as an aesthetic project and the artistic vision of O. Mandelstam during the 1930s]. In: *Osip Mandel'shtam i fenomenologicheskaya paradigma russkogo modernizma* [Osip Mandelstam and the phenomenological paradigm of Russian modernism]. Voronezh: Voronezh State University, pp. 47-73.